

5 ПУТЕВЫЕ ЗАПИСИ В.И. ИОХЕЛЬСОНА 1897 Г. В БУЛУНЕ: ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТИЛЕМ

Семен С. Макаров

В.И. Иохельсону на этом этапе главной задачей виделось составление возможно более точного и подробного описания локальной хозяйственной деятельности как регулярного сезонно обусловленного цикла. Такая установка привела к тому, что в фокусе внимания автора дневника оказались прежде всего действия, взятые словно бы даже в некотором отвлечении от их носителей. Дневник скрупулезно фиксирует, как та или иная описываемая хозяйственная деятельность соотносится с календарными вехами.

Записи этого периода изобилуют мелкой фактографией, цифрами, разнообразными сводками. Обращает на себя внимание тот факт, что числовые определения проникают даже в неформальные заметки о погоде и организации местного быта. Показательна в этом плане, например, запись в экспедиционном дневнике от 20 апреля 1897 г.: «...Мин.[имальная температура] 1°–15°, днем – 9°. После нескольких дней со снегом и ветром сегодня ясный солнечный день. Вчера уехал (12 км) выборный с почтой в Верхоянск. Цены: мясо 5 р. кг, бывает и 6 р., хаяк¹ 8 р., сливки 8 р...»². Как можно заметить по этой небольшой записи, в целом довольно типичной для тетради, почти все описываемые реалии получают в ней свою сжатую количественную характеристику, чередование тем при этом обычно непредсказуемо.

Для экспедиционных заметок В.И. Иохельсона этого времени, таким образом, весьма характерна фрагментарность, а также практически телеграфная лапидарность стиля. В этом отношении они больше напоминают краткие мнемонические записки или схемы, производимые «на память» с целью экономии времени или иных ресурсов, однако с тем чтобы иметь возможность впоследствии воспроизвести на их основе «развернутый» вариант подразумеваемой описки или нарратива. Вполне естественно, что молодым собирателем в полевых условиях числовые данные понимаются как наиболее информационно емкие и вместе с тем трудные для запоминания сведения.

Одновременно с этим в тексте дневника обращает на себя внимание та особенность, что автор практически не ведет в нем заметок «о себе». Читатель

¹ Хаяк или каяк (якут. хайах) – молочный продукт, сливочное масло, взбитое и замороженное с добавлением молока.

² *Иохельсон В.И.* Путевые заметки 1895 г. Архив Института восточных рукописей РАН. Ф. 631. Д. 15. Л. 143. Благодарю А.А. Сирина и Н.С. Гончарова за возможность работать с текстом.

практически не найдет здесь записей, в какой-либо мере отразивших личные впечатления собирателя от соприкосновения с очередным местом полевой работы или новыми знакомствами, нарративных зарисовок очеркового типа, бытописания, в целом довольно характерных для этнографии Сибири этого и более ранних периодов. Лишь в самом начале приезда в Булун В.И. Иохельсон позволяет себе короткую заметку: «На Булун приехал 13го Апреля в Свят.[ое] Воскр.[есение] клеят образа. Впечатление довольно странное. Как будто культурное место после Колымы: стекло в окнах, некоторые дома с кровлями, а в то же время еще далеко до самой плохой деревни. ...[нрзб.] юртенки, дома с плохими крышами...»³. Обратим внимание, что даже в этих фразах, казалось бы, призванных зафиксировать некоторую личную оценку и внутреннее состояние субъекта речи в данный момент, фактическое содержание высказывания ограничивается констатациями сугубо внешнего плана⁴.

С позиций сегодняшнего дня бросается в глаза чрезвычайная краткость паспортизации информантов, если принять во внимание тот факт, что мы имеем дело с экспедиционным дневником. Чаще всего она сводится к указаниям фамилий, в редких случаях – имен и занимаемых должностей лиц, от которых были получены те или иные сведения. Как правило, это пометки следующего вида: «...Островский, бывший конторщик у Я.О. Санникова...», «...купец Беляногов»⁵, «прикащик Як.[ов] Сотников», «урядник Баишев»⁶ и т.п. Добавим, что в тексте описаний не всегда последовательно применяются языковые маркеры непрямого засвидетельствования. Подчас это приводит к характерному эффекту «слияния» речи собирателя и речи информанта. Позволим себе небольшой пример:

... В прошлом году Булунский прикащик Як. Сотников доставит последними 1200 песцов, но в это число входят песцы не одного Жиганского улуса, а 400 пес. взяты у Туруханского торговца Черяк и часть у Анабарских тунгусов. Кушноревские прик.– 7–песцов и тоже 300 от Черяка и немного из Анабарского Баишева прик... – 400 же. Туруханские и Анабарские тунгусы покупают ленские ветки⁷ от 19 до 20 песцов за ветку. Торговцам обходятся ветки за 6–7 руб. Урядник Баишев возит веток на собачьих нартах через Тумат и Анабар...⁸.

³ Там же. Л. 143.

⁴ Строгость, насыщенность деталями, склонность к скрупулезному описанию формальных характеристик предмета в целом отличает многие работы В.И. Иохельсона. Эти черты выделяют его среди других северо- и сибиреведов (например, В.Л. Серошевского, Э.К. Пекарского, Г.Ф. Осмоловского, ориентированных в большей степени культурологически), формируя узнаваемый стиль работ исследователя.

⁵ Там же. Л. 143.

⁶ Там же. Л. 144.

⁷ Ветки (як. тыы) – маленькие легкие якутские лодки.

⁸ Там же. Л. 143об–144.

Смысл приведенного фрагмента достаточно очевидно указывает на то обстоятельство, что фиксируемые сведения не засвидетельствованы В.И. Иохельсоном непосредственно, а были сообщены ему третьими лицами. Однако из данных текста сейчас уже сложно установить, кем именно из названных лиц это было сделано.

Одновременно с этим записи этнографа обнаруживают явное тяготение к неопределенно-личным конструкциям. «...Весной после Констант.[ина]⁹ (через 8 дней) по берегу в подледной воде промышляют муксун, чир, омулей...»¹⁰, «...На [острове] №15 гусей лесных и пасти сторожат...»¹¹ (выделение мое. – С.М.). Следует отметить, что в отдельных случаях бывает сложно установить, кто конкретно подразумевается под формами третьего лица – смысл смены единственного числа на множественное и первого лица на третье в записях не всегда прозрачен: «...Афанасий Осипович Бобровский [...] зимой живет на острове Ары. От Николина до Петрова дня живет на острове №14 (см. карту его). От Петрова до [нрзб.] живет на остр. №15. От [нрзб.] до Спасова тусва и кочуют на остр. №23. От I Спаса до последнего живут на №23. Потом кочуют на остров №17 и живут до Семенова...»¹², «...[Иван Акимов] Гусей лесных – 30 промышлял ружьем. В запас ни уток, ни гусей не кладут...»¹³ (выделение мое. – С.М.). Эти отрывки показательны в отношении имеющих в тексте случаев смещения форм ед. и мн. числа глаголов и, как следствие, – переходов в описаниях от частного к более общему плану. Таким образом, персональность деятелей–носителей традиционного знания, выступающих «объектом» наблюдения, равно как и самого наблюдателя, в целом последовательно выводятся «за скобки» текста, оставляя обезличенные и сухие по тону этнографические описания.

Для исследователя оказывается значимой этническая атрибуция описываемых лиц и их небольших групп, она неизменно отмечается в дневнике. Можно сказать, что подлинными акторами моделируемого в описании социально-экономического и культурного процесса становятся взаимодействующие в регионе этнические сообщества, а не отдельные их представители или вообще (независимо от этого) индивидуальные «лица». Заметно, как автор дневника (возможно даже, не вполне осознанно) устойчиво членит участников локальной хозяйственной и бытовой коммуникации по этническому принципу («...Ламутские слова. Диалект от ламу́та Верхоянского улуса»¹⁴, «...болел проказой на Булуне

⁹ Царь Константин (як. Сара Көстөкүүн) – день памяти Святого Равноапостольного Царя Константина; отмечается 21 мая.

¹⁰ Там же. Л. 149об.

¹¹ Там же. Л. 149об.

¹² Там же. Л. 149.

¹³ Там же. Л. 151.

¹⁴ Там же. Л. 154об.

якутского мещанин Захар Корякин и тунгус Кюпского наслега Михаил Ордах. Из дела видно, что Корякин умер в 1895 г...»¹⁵ и под.). В собирательской и аналитической пресуппозиции В.И. Иохельсона, таким образом, угадывается присутствие идеи о некоторой изначальной этнокультурной обусловленности человеческой деятельности. В связи с этим складывается впечатление, что язык его антропологических работ в некоторой степени невольно наследует дискурсу тогдашнего сибирского дело- и судопроизводства (ср., например, со стилем приводимых В.И. Иохельсоном выписок «из архивных дел Жиганского улуса»¹⁶).

Таким образом, рассмотрение лингвистических особенностей дневника 1897 г. оставляет в целом впечатление «двунаправленного»/«двоякого»/полигенетичного этнографического письма. С одной стороны, записи этнографа по своей дробности, широкому разнообразию тем, нередко смешиваемых в пределах одного листа, наличию внутренней маркировки, отсутствию контекстуальных пояснений напоминают оперативные полевые заметки «для себя», производимые для последующего разбора в «кабинетных» условиях. С другой стороны, в стилистическом плане документ отражает влияние актуального на тот момент книжного делового стиля и в этом отношении дистанцируется от тональности автодокументальных письменных речевых практик.

Материалы тетради №5 впоследствии частично были использованы автором в монографии «The Yakut» (1933) (разделы «Physical Geography of Yakutsk Province», «Population of the Polar region»), однако только сейчас подготовлены к печати.

---

¹⁵ Там же. Л.158.

¹⁶ Там же. Л.157об.

